

КОМНАТА

№ 6

Свидетельства очевидцев о восточногерманском
«Комитете за возвращение на родину»

Издание Центрального Объединения Послевоенных Эмигрантов
из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен, 1955.

КОМНАТА НОМЕР ШЕСТЬ В ПОМЕЩЕНИИ СОВЕТСКОГО
КОНСУЛЬСТВА В БЕРЛИНЕ — КАБИНЕТ ОСОБОУПолно-
Моченного КГБ. **КОМНАТА НОМЕР ШЕСТЬ** — МЕСТО,
ГДЕ ВОЗВРАЩЕНЦЫ ПРОХОДЯТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ
ОБРАБОТКУ ИЗ **КОМНАТЫ НОМЕР ШЕСТЬ** ЕСТЬ ТОЛЬКО
ДВА ПУТИ: В АГЕНТЫ ИЛИ В КОНЦЛАГЕРЬ. В **КОМНАТЕ**
НОМЕР ШЕСТЬ ВЕРБУЮТ В УБИЙЦЫ И ПОХИТИТЕЛИ
ЛЮДЕЙ В **КОМНАТЕ НОМЕР ШЕСТЬ** КОНЧАЕТСЯ
ПОЛИТИКА УЛЫБОК И НАЧИНАЕТСЯ ГРЯЗ-
НАЯ, СТРАШНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ —
ИСТИННАЯ СУТЬ КОММУНИЗМА.

В настоящей брошюре излагаются свидетельства людей, по-
бывавших в зловещей комнате номер шесть.

Говорят возвратившиеся возвращенцы

СОБРАНИЕ
В МЮНХЕНСКОМ
«ГЕТЕ-ЗАЛ»
8 ОКТЯБРЯ 1955 г.

Четверо эмигрантов из Советского Союза—Леонард Хоревич, Борис Серебряков (оба из лагеря Валка, Западная Германия) и Людмила и Евгений Немовы из Мюнхена — поверили заманчивым обещаниям восточно-берлинского комитета генерала Михайлова и его газеты «За возвращение на родину». Они прочитали указ советского правительства об амнистии. И решили возвратиться в Советский Союз, в расчете на спокойную жизнь в родной стране.

Забрав свои вещи, они поехали в восточный Берлин. Однако, то, что им пришлось увидеть и узнать там, заставило их быстро понять: **здесь ловушка**. Через короткий срок они бежали обратно в свободный мир.

8 октября 1955 г. в Мюнхене на собранном Национальным Представительством Российской Эмиграции (НАЦПРЭ) по инициативе Центрального Объединения Послевоенных Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) открытом собрании, возвратившиеся рассказали обо всем пережитом. Рассказанное ими тут же, в присутствии более 500 человек эмигрантов из Мюнхена и его окрестностей, было записано на магнетофоне.

Председательствовал на этом поучительном собрании председатель НАЦПРЭ Ф. Т. Лебедев.

За столом президиума, с одобрения всех присутствующих, заняли места представители общественных и политических ор-

ганизаций эмиграции: М. Дзюба (ЦОПЭ), Г. Сааруни (Союз Армянских Борцов за Свободу); Д. Гулай (Украинское Освободительное Движение); Е. Кумминг (Российское Народное Движение); Ю. Письменный (Комитет Объединенных Власовцев); Е. Колюжный (Союз Борьбы за Освобождение Народов России); Я. Буданов (Национально-Трудовой Союз) и В. Поздняков (Союз бывших политзаключенных из СССР).

После краткого вступительного слова председателя Ф. Лебедева, на трибуне один за другим выступали виновники собрания — возвратившиеся возвращенцы: Хоревич, Серебряков, Людмила и Евгений Немовы.

Читайте сокращенный текст записи их выступлений и сами делайте выводы.

Читайте также напечатанное в этой брошюре повествование о Николае Кириллусе, простом рабочем из Штуттгарта.

Подобно Хоревичу, Серебрякову и Немовым, он тоже с помощью одного из вербовщиков комитета генерала Михайлова решил было возвратиться на родину.

Вербовщик уговаривал: поезжай, посмотри. Не понравится — возвратишься. Но возвратиться оказалось не так то легко: после бегства из пресловутого михайловского комитета Хоревича, Серебрякова и Немовых «люди в синих плащах» из комнаты № 6 советского генерального консульства в Берлине позаботились уже, чтобы жертвам путь назад в свободный мир был закрыт.

Наш путь на Родину —

путь борьбы за свободу народа!

Как это было...

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Л. ХОРЕВИЧА

Из восточного Берлина уже перед нами один из знакомых уехал, прислал письмо к нам, как ему везется в Берлине, что его уже отравили на Родину, что он получил настоящую работу, там занятия и все.

Думали, думали, что сделать. Договорились мы с моим другом Серебряковым:

— Давай, поедем. Посмотрим, узнаем.

Что мы с сердцем относились к этому вопросу — это точно.

Мы сто восемьдесят километров прошли пешком, не поездом. У нас денег не было, конечно. Что мы сумели пару марочек захватить в Валке, — и так мы пешком дошли до восточной зоны. Там приняли нас ребята советской погранохраны.

Уже в этот самый день, в субботу (28 сентября), в пол десятого вечера, были мы в Эрфурте, в консульстве. Как оказывается, консул уже ожидал нас там, уже отель был там для нас обеспечен. В воскресенье остались мы еще в Эрфурте, в понедельник же с утра, в 9 часов 03 мин. уже подготовили нам справки в восточный Берлин в посольство и билеты на поезд. Ехали мы, конечно, сами,

без охраны и вот так себе друг с другом говорили:

— Вот видишь, это же не так опасно, мы сами чувствуем себя вольными в поезде, второй класс и только для русских военных, и едем дальше...

Приехали мы в Берлин, зашли в консульство. Это было уже в 5 часов вечера или 15 минут шестого, может быть. Но мы застали еще несколько чиновников, которые были там. Мы передали им нашу справку. Позвали нас в комнату, где господин Зайцев есть большим чиновником там в консульстве.

— Ага, вы, пожалуйста, обождите здесь.

Ожидаем мы полчаса. Дали справку: гражданин СССР такой-то и такой-то находится в Берлине и уезжает на родину. Потом получили мы по несколько марок, скажу вам откровенно — по 10 марок в сутки на питание и 5 марок в сутки на комнату, но комнату приходилось нам себе самим найти, и это, может быть, наше счастье, что они не заставляли нас жить при себе там где то, а послали в пансион.

На второй день с утра, часов в девять, к господину Зайцеву обратно. Вишь, в чем дело дальше.

Нам нужно в комитет итти. Комитет на другой улице, и надо здесь в консульстве быть. Тогда Зайцев говорит:

— А ну ка, давайте в комитет, я позвоню генералу Михайлову и он будет заниматься этим вопросом. Ну, пока мы там пошли, моего друга убрал один господин, как оказывается потом, от консула Серафимова. Он сам заместитель консула по политической части. Мой друг Серебряков беседовал с ним, а меня заставили писать автобиографию. Так, может быть, часа два-три у него беседовали, я писал биографию. Потом мы разошлись. Один пошел в комитет, я остался беседовать. Ну, и вопрос такой получается:

— Слушайте, господин такой и такой. Конечно, не господин, а товарищ. Дело в том, что мы с вами будем еще собеседовать: понимаете, вы не можете пока то поехать на родину, но мы вам дадим личное занятие, понимаете, а через месяца два-три, может быть четыре даже, тогда вы на родину уедете. Ну, пока я вашу биографию прочитаю, вы пройдитесь к генералу Михайлову.

Мой друг там ожидал. Генерал Михайлов, конечно:

— Здравствуйте, занимайте место и расскажите нам, как вам там жилось. Побеседовали мы минут пятнадцать. Он сказал нам, что завтра нужно будет зайти к нему в редакцию.

— Мы приготовим вам снимки, а потом будете записывать голос...

И еще говорит:

— Вы знаете Западную Германию?

Говорю:

— Знаю, конечно.

— Много наших ребят там есть?

— Конечно много.

— А как они там поживают?

— Ну, конечно, которые устроились на работу, некоторые люди зарабатывают двести до трехсот марок в месяц.

— Ну, а что за это купить можно?

— Что купить можно? На питание, — говорю, — семейный человек может выдать даже 150 марок, так он может хорошо себе жить. За 150 можно уже, конечно, хороший костюм купить.

— Ого, в чем дело! Ну, хорошо, мы завтра будем еще беседовать. Давайте в консульство.

Пошли мы обратно в консульство и там меня уже ожидал господин с комнаты шестой, этот самый консулат по политической части. И потом, как оказывается, в комнате десятой меня ждал один господин Раздецкий. Пошел к нему. Он говорит:

— Так, я знаю всю вашу автобиографию. Слушайте, а как же с этим будет, я хочу вас устроить здесь на работу. Конечно, как работа, так работа... Ну, а вы бы решились пойти в западную Германию?

Я говорю:

— Почему нет, по заданиям.

— Хорошо, так слушайте. Мы бы вас хотели послать в военную школу в Потсдам. Конечно, вы там будете сидеть два месяца, три месяца, может быть, а потом пойдете в Западную Германию. Когда вы много лагерей знаете, знаете ребят, вы можете хорошую пропаганду навести, чтобы все на родину решились итти.

Ну, хорошо. Ну, тогда говорит:

— Вы знаете такого господина Климова?

Я говорю:

— Знаю. Лично даже с ним знаком.

— Ага! А где он сейчас?

Я говорю, что он сейчас уже в Америке.

— А Дзюбу знаете?

— Тоже знаю Дзюбу.

— А чем он занимается?

— Ну, — говорю, — он сидел раньше в ЦОПЭ, но я в Мюнхене

был последний раз в 53-м году и не знаю сегодня.

— А еще какие фамилии?

Я говорю:

— У нас, понимаете, по фамилиям человек к человеку не обращается. Мы вот Васька, Мишка, Коля, Василий и так дальше.

— Ну, ничего, — говорит, — мы еще побеседуем, приходите ко мне завтра, так часов в одиннадцать.

Тогда мы пошли к господину Зайцеву. Он предлагал принести снимки на визу мне и моему другу Серебрякову. Потом, когда меня оставляли уже работать, так мне не надо было снимков приносить... Когда мы пришли к Зайцеву, то там встретили еще одного старшего лейтенанта военной части, который наши визы с собой в комендатуру брал. Об этом расскажет лучше мой друг Серебряков, он лучше меня знает.

Еще раз был я у Михайлова на второй день. И оказывается, что

Михайлов совсем уже другой подход имеет к нам. Уже не «вы», только «ты». Слушайте, так и так это будет:

— Вы хотели на родину ехать?

— Я хотел с моим другом в Житомир поехать. У меня никого нет дома, я не знаю вообще, где моя семья, мать или кто-нибудь.

— Ну, да вы не беспокойтесь, вы поедете на родину. Вас там оденут прекрасно, пойдете в баню. В баню пойдете, вас там оденут и потом уже будут думать, где вам поехать.

А мне так в голову ударило. Я тут заключенный... Между прочим, в 39-м году сидел при советской власти и помню, когда нас одели и в баню послали, одели, даже волосы постригли...

На второй день, когда нам нужно было уже выезжать, мы встретили перед этим семью господина Немова, решили — обратно на Запад...

Наш девиз:

непримиримость,

стойкость и сплоченность!

Точно вам говорю: указ не для нас, господа!

ИЗ РАССКАЗА
Б. СЕРЕБРЯКОВА

Так, господа, я вам расскажу все коротко и ясно. Так как мой друг вам уже объяснил кое-что, то я эти слова не буду повторять, а так скажу как есть. Я, конечно, это пережил все в своей душе и своими глазами все это видел. Первое, как я прибыл в Берлин, к Зайцеву и он нас встретил, выписал эти справки, как уже сказано было, и потом дал по 30 марок, тоже это уже известно, уже сказано моим другом. Дальше в 9 часов утра мы должны были быть в консульстве. Конечно, я пошел с моим другом, и ждали мы до 11 часов дня. Пришел товарищ Зайцев и говорит:

— Не надоело вам сидеть?

— Конечно, говорим, надоело. Вы сказали к девяти, а уже одиннадцать.

— Ну, ничего, говорит, еще минут десять-пятнадцать...

Правда, минут двадцать, возможно прошло, входит один человек, худощавый такой, взгляд невежливый, мне уже сразу понятно было, что за тип. Вызывает в свою комнату, шестую, и расспрашивает меня:

— Как вы долго находились на западе, как вы попали в Германию, были ли в плену... и так дальше.

Ну, я ему объяснил так коротко все. Потом он мне:

— Сколько вы пробыли времени за границей?

Я ему сказал:

— Тринадцать лет.

— Где вы были, какие города знаете?

Я ему сказал, что знаю Гамбург, в Мюнхене был, потом был в Нюрнберге, да во Франции был, в Эльзас-Лотарингии работал.

Он меня спросил:

— Много ли наших людей там есть?

Я ему ответил, что целые колонии есть, работают.

— Где работают?

Я сказал — в шахтах работают, везде. Да. Ну, потом он мне вопрос задает:

— Не желаете ли вы у нас поработать?

Я ему ответил очень скоро.

— Я, — говорю, — не приехал сюда к вам специально работать, а я приехал для возвращения на родину. Поскольку вышел новый указ, я хочу ехать домой.

Тогда он говорит:

— Ну, хорошо, с вами все окончено, поедете домой. А там вы уж сами будете видеть, возможно возвратитесь. А сейчас, — говорит, — я позвоню генералу Михайлову,

товарищу Михайлову, пойдите к нему, а я с вашим другом буду беседовать.

Ну, я ушел.

Прихожу к Михайлову. Этот тип, что в 6-ой комнате, рассказал улицу, где, как там нужно зайти. Это на другой улице совсем, все такие места между побитыми домами, там такой тропинкой. . . Ну, нашел я, там спросил немца, немецкую полицию, мне показали. Зашел я к Михайлову, на третий этаж. Там сидели две девченки — секретарши. С правой стороны — это комитет генерала Михайлова. Одна девченка спросила: к кому я желаю. Я сказал, к генералу Михайлову. — Ага, говорит, сейчас я спрошу. Ну, она зашла, спросила там, он сказал — пожалуйста, я могу заходить.

Я зашел.

— Здравствуйте. . .

— Здравствуйте. . .

— Вот, — говорит, — хорошо, родина ждет, ожидает, поедете домой. Ну, садитесь.

Сел я. . . Там еще два представителя, с которыми он вместе работает, в штатской одежде были. Потом, значит, спрашивает меня:

Знаю ли я какихнибудь людей, которые занимаются. . . ну, задерживают наших людей, которые мешают нашим людям, чтобы они не возвращались на родину, и так дальше.

Я говорю:

— Нет, таких я не встречал.

А, например, Валигурского знаете, который в Валке живет, в Нью-Берберге?

Говорю — знаю.

— А как он не мешает людям, чтобы возвращались на родину?

Я говорю:

— Зайду, мое дело такое, так книжку какую-нибудь почитаю в библиотеке, а так я с ним никаких разговоров не вел.

— Ну, — говорит, — неважно. Придите завтра, мы вас должны поместить в нашей газете и вы должны выступить по радио, кого вы знаете, вы же многих знаете.

Я говорю: конечно многих знаю,

но по фамилии больше, а так не знаю.

— Ну, это ничего, — говорит.

Ну, побеседовал с ними так может быть минут двадцать и затем он говорит — можете быть свободны. А завтра, говорит, вы должны притти проделать дело. Это было уже на среду. Ну, когда я в среду, значит, пошел, я сперва к Зайцеву должен был зайти. Он сказал, чтобы я сделал немедленно два снимка, две фотокарточки. Ну, я пошел, сделал, но они еще не были готовы.

Захожу к Зайцеву приблизительно в пол третьего. Со своим другом. Конечно, зашли мы вдвоем. Там сидит лейтенант, пистоль сбоку, в уголку автомат стоит. Я обратился: здравствуйте, — он даже не ответил. Зайцев ответил — здравствуйте. Мой друг сел на диване с левой стороны, а я с правой стороны сел на стул, недалеко от автомата. Так этот самый лейтенант посмотрел на автомат, значит, на свой и просквозил меня своим глазом снизу и доверху.

И вот Зайцев говорит:

— Смотрите, уже им визы готовы. Вот товарищ старший лейтенант ихние визы забирает, а ваша виза ждет две фотокарточки.

Ну, я говорю, что в пол четвертого, приблизительно, будут готовы. . .

Ну, значит. . . Как я уже увидел из комендатуры военного человека, немножко стало и холодно, и жарко. Знаете. . . Ну, думаю, теперь уже все, попал, значит, в клетку. . .

Потом старший лейтенант, значит, говорит Зайцеву:

— Товарищ Зайцев, я буду к пяти часам обратно здесь (это значит за моей визой), а теперь пойду.

Когда он ушел, я спросил Зайцева:

— Товарищ Зайцев, я слышал, что нас будет сопровождать один человек цивилинный, пожилой, помогать, т. е. добраться до советской границы.

А он так посмотрел на меня и говорит:

— Нет, я не слышал об этом, вас только провожает военный. Вот этот самый товарищ лейтенант будет, и еще один с ним.

Ну, конечно, мне уже понятно, если два, так наверно будет еще два, если не четыре. Ну, я говорю:

— Все, благодарю за это.

И ушел.

Ушел я (это было в среду), ушел обратно к Михайлову. С Михайловым, значит, виделся. Он уже не на «вы», по первости он на «вы», а уже на другой день даже и говорить много не хочет и на «ты».

— Что же ты, — говорит, — задерживаешь? Ты должен бы, понимаешь, еще вчера сделать это. Теперь тебе нужно уезжать, а ты еще задерживаешь. Ну, — говорит, — сегодня уже поздно. Завтра утречком обязательно никуда не заходи, только ко мне. Обязательно, — говорит, — должен и в радио выступить, и в редакцию мы тебя проведем.

— Ну, — я говорю. — хорошо. завтра я буду.

Ну, а с моим другом я уговорился, что мы встретимся у Немовых. Как он вам сказал уже, мы нашли, где поближе найти выход — на западную сторону обратно перейти; если на американский сектор пойти — там сильные контроли. Ну, так мы нашли ближе, на французский сектор...

В четверг утречком, часов в девять, а может быть раньше, так в пол девятого, мы зашли к Немовым, — и давай рассказывать, мол, такая и такая штука. Он сразу хватился за голову и жена тоже растерялась и говорит:

— Люди, помогайте нам, как мо-

жете. У нас семья, — говорит, — помогите.

Ну, конечно, жалко же тоже оставить их, да. Ну, говорю, так чтобы не было подозрения, конечно, чтобы нас не подозревали, одевайтесь, пойдемте к консулу.

К консулу зашли. И так как я уже сегодня, в четверг, отъезжаю на родину, и Немов тоже, то мне дали 10 марок, а ему 20, как на семью. И мне говорит Зайцев:

— Вот, товарищ, мы с вами больше видеться, конечно, не будем, потому что в четыре уже поезд отходит. А вы, — говорит, — товарищ Немов, у вас семья и у вас вещичек много, так что с вами надо уже в пол первого как то справиться. Надо стараться машину подогнать, вещички подобрать пораньше, а вы, — говорит, — придете к четырем часам на станцию...

Когда мы вернулись обратно, я говорю Немову: давай, что имеешь, надевай на себя и твоя жена и дети, — и помаленьку пошагали, потому что время короткое. Даже я не заходил к своей хозяйке. Как остался, в чем я сейчас стою, так значит и решил пойти. Даже чемодан свой оставил хозяйке, костюм там, конечно, имел, пальто имел, все оставил. Нужно было побыстрее переходить на другую сторону.

На этом кончаю. Еще только одно скажу: сердце мое рвалось домой, дома я оставил родных, сестер, братьев. Ну, а теперь вижу, что под коммунистами как оно было, так ничего и не изменилось. Это значит, что вышел новый указ об амнистии, но этот указ для генерала Михайлова, но не для нас. Точно вам говорю: указ, не для нас, господа!

Мы поняли в чем дело...

ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Л. НЕМОВОЙ

Я расскажу вам тоже самое.

Расскажу вам, как собрались мы выехать на родину. Мы жили в Мильбертсгофенском лагере по Шлейсхеймерштрассе, в бараках. Скучная жизнь у нас была. Мы жиди даже в одной комнате две семьи. У меня двое деток, было трудно. Посещали нас некоторые люди, которые начали приносить нам газету «За возвращение на Родину». Мы читали ее. Газетка эта очень заманчиво говорила о том, что ждут нас все блага и процение дома. Потом слушали радио еще — в 7 часов вечера — тоже самое о возвращении на родину. Радио тоже обещало все блага, самую хорошую жизнь дома, детям учење и счастье.

Так мы и решили возвратиться домой.

19 сентября мы выехали. Возможно, мы выехали бы позже, потому что у нас было с деньгами трудно. Но приятельница наша, Нина Алексеевна Пикар, нам помогла в этом. У нее было немного денег, она помогла нам выехать на родину.

Мы ехали машиной. Легковой машиной ее знакомый подбросил нас до Гофа, а вещи шли багажем поездом. В Гофе мы должны были остаться дожидаться багажа. Когда поезд пришел, начался конт-

роль со стороны Западной Германии. Такой поверхностный. Чемоданы открыли, немножко посмотрели, а потом стали смотреть документы. В это время муж мой и Нина Алексеевна Пикар пошли оформлять дело с багажем, потому что вещи наши были уже отнесены в багажную комнату.

Через короткий срок полицейские мне возвратили все наши документы — и мужа, и Нины Алексеевны Пикар тоже, — и помогли мне со всем ручным багажем и с двумя детками сесть в поезд. Я не хотела вначале садиться в вагон, потому что не видела мужа и приятельницы, но меня уверил полицейский, что якобы они в другом вагоне, неподалеку от багажа. Ну, я села и потом, конечно, убедилась, что они отстали...

У погранзаставы поезд остановился. И ворвались два, как потом я узнала — фольксполицей немецкие. Начали проверять документы. Спросили у меня. Я, конечно, объяснила все, а они сказали, что должны меня снять, что я чуть ли не арестована (фестгенommen по немецки — это все равно, что арестована).

Было это уже за полночь. Высадили меня, конечно; помогли мне внести вещи на станцию в зал ожидания. Там была еще одна

немка с дочкой. В помещении грязно и холодно. Немка сказала, что она уже три дня ждет багаж из советской зоны, никак не может дожидаться и не знает, когда она поедет далее.

Утром, когда ребенок мой проснулся, я спросила полицейского, где я могу достать чегонибудь поесть. Он усмехнулся, пожал плечами.

— Нигде, — говорит, — вы не можете здесь ничего купить. Там столовая для фольксполиции, там для советских солдат, а здесь у нас погранзаства.

Тогда я решила прогуляться по платформе. И вот только вышла из станции, солдат с автоматом спрашивает: паспорт. Потом он вспомнил, что ночью меня сняли с поезда и говорит:

— Ах, это вы были, которая снята и арестована.

Я посмотрела на него с удивлением, конечно, потому что я этого не ожидала и пошла дальше. Вдруг через несколько минут въезжает американский джип и сидит в нем советский офицер, чина я не знаю, и солдат, управляющий машиной. Я хотела ему только махнуть рукой, как бы за помощью, но он уже направлялся ко мне.

Я заплакала и сказала: так и так, что немец мне сказал, что я арестована. Как же так, если я всем сердцем и стремлением мечтала, как можно скорее выбраться и переехать границу, чтобы оказаться на советской территории, а он мне говорит, что я арестована.

Он посмотрел на меня, подбоченясь, так за пояс две руки, и говорит:

— Ну, это мы проверим и посмотрим, — и прошел в бюро, где полицейские были.

Потом минут через двадцать возвратился обратно и говорит мне:

— Ну вот, мы все проверили. Расскажите-ка, где же ваш муж остался и ваша приятельница.

Я говорю: на той границе, так и так это получилось.

А он спросил:

— А не специально ли их оставили?

— Нет, — отвечаю, — не может быть.

— Ну, — говорит, — хорошо, посмотрим. Я звонил в Берлин и если их не будет — должен быть следующий поезд в три часа из Гофа, — и если их не будет в три часа, то тогда мы отправим вас с вашими детьми дальше. А кто вы такая, что такое с вами?

Я тогда показала ему наши визы, из комитета присланные. Он посмотрел их, крутил, крутил и говорит:

— Ну, знаете, я на погранзастве, но таких вещей еще не видел в своей жизни.

Я говорю:

— Это комитет нам выслал.

— Я, — говорит, — не знаю, что это за комитет и что это за визы.

Я сказала ему, что у меня маленький ребенок и что он голодный, не кушал ничего.

— А как же так, не припасли вы для него ничего?

— Да так, — объясняю, — сумка с едой осталась у мужа.

— Ну, хорошо. . .

Он тут же обратился к полицейскому. Тот, конечно, вытянулся в струнку. Я должна была служить переводчиком, т. к. офицер совсем не говорил по немецки:

— Скажи ему, чтобы он вас хорошо накормил.

Тот ответил: — Да, сейчас же, — вытянулся, откозырял и ушел.

Офицер тоже удалился. Через несколько минут мне приносят на тарелочке тоненький кусок черного хлеба, как глина, с маргарином и сверху что то раздавленное в виде консервного мяса. Мой маленький даже не понял:

— Мама, — говорит, — что это такое. . .

Ну, тут я сразу поняла, что такое советская зона.

Минут за пять до прихода поезда подходит ко мне этот самый офицер снова и говорит:

— Прошу вас оставить вокзал, войдите в помещение!

Ну, у меня, откровенно говоря, сердце в пятки ушло тогда. Я подумала: что же это такое? Немцы тоже странно смотрели на меня: как это так — русская и вдруг такое отношение. Ну, я вошла в станцию, потом через несколько минут входит фольксполицией и говорит:

— Ваш муж прибыл с вашей знакомой, выходите!

Ну, я вышла... Мы поздоровались и офицер подошел, уже он по другому себя вел, более приветливо и говорит:

— Как можно быстрее собирайтесь и уезжайте.

Мой муж говорит:

— Мы такие голодные, покушать бы чтонибудь горячего...

Тогда офицер сказал солдатам, чтобы они «организовали нам чтонибудь пожрать». Один солдат сразу же удалился и приносит две кастрюли — в одной был борщ, а в другой каша гречневая и кусочки мяса. Но он не принес ни одной ложки, ни одной вилки, ни ножа, так что все это осталось стоять нетронутым. Так мы голодные и поехали дальше.

Ну, я думала, что все уже прошло и начинается что то лучшее. Думала, что была ошибка какая то. Так мы доехали до Лейпцига. Там нас ожидал уже у вагона советский офицер с повязкой на рукаве. «Патруль» у него по русски было написано.

Он нас встретил, повел в зал ожидания для советских граждан. Там мы сели на скамейку недалеко от входа, так что мимо нас проходили все советские офицеры и солдаты. Солдат было меньше. Офицеры были одеты ничего, прилично, но солдаты были ужасно скудно одеты — в брезентовую, выцветшую грязную летнюю форму, хотя было уже довольно прохладно. Офицеры на нас с удивлением смотрели, а солдаты, можно сказать, даже с какой-то ненавистью. В тот момент я желала, чтобы наши чемоданы провалились сквозь землю, потому что я видела, каким взглядом люди осматривали

нас, потом вещи, потом опять нас. У нас было три чемодана с нами и у Пикар один, и еще такая сумка большая, дорожная. Спрашивали, останавливались... Один офицер спрашивал — муж был в кожаном пальто, уже поношенное за 25 марок купил, — спрашивал, кем же он работал.

— Ну, кем ты там работал?

Муж говорит: — На бау...

— А что это такое?

— На строительстве.

— Да! Правда?

— Да.

— Эх ты, — говорит, — здорово!

А потом другой спросил, буквально спросил:

— А жена тоже работала?

— Нет, жена с детьми.

— Ну да! А сколько же ты получал?

Но тут вошел патруль — он узнавал, как нас дальше перебраться как можно скорей. И говорит:

— Ну, товарищи, разойдитеесь, не мешайте, наши граждане очень устали...

Но «товарищи» далеко не отходили и стояли почти все в проходе и продолжали смотреть на нас. Спрашивали:

— Ну, как вас там — фашисты бьют?

Мы спрашиваем:

— Какие? Да, били, когда мы были в лагерях, немцы.

— Да нет, а эти, американцы-фашисты, бьют? И как же вы сюда приехали, как же вам пути-дороги не преградили, — ну и так далее...

Двинулись мы дальше. Он очень симпатичный, этот патруль, был. Он нам сказал, что он из Свердловска, такой настоящий русский мужик. Хороший был. Он проводил нас к поезду, постарался нас посадить и сказал проводнику, чтобы тот, значит, охранял нас там. Говоря откровенно, хорошо относился к нам. Так мы следовали до Берлина.

Около Берлина поезд остановился. То была, кажется опять советская погранзастава. Там у нас опять был контроль. Очень стро-

гий контроль. Снова ворвались два полицейских и началась проверка документов. У нас документ по русски был написан. Они крутили его, крутили, потом один из них высунулся из двери на платформу и кричит — товарищ, товарищ! Это он звал советского солдата. И советский солдат, молодой еще совсем, так 22-23 лет, вошел. Вся грудь у него была увешана орденами какими то, все блестело... Он взял эту визу, тоже начал крутить и говорит:

— Слушайте, куда вы это едете? И откуда у вас эта шпаргалка?

Мы в ужасе. . .

— Вы знаете, — говорит, — я вас сейчас высажу.

Муж ему тоже говорит, что если вы нас высадите, то и посадите обратно, потому что мы едем домой. . .

— Какой, — говорит, — домой. А где у вас виза! Откуда у вас эта виза?

Муж объясняет, что от генерала Михайлова. . .

— Ну, говорит, какой там генерал Михайлов, ничего мы не знаем.

Потом он вышел и позвал другого. У этого тоже были две нашивки, как сейчас помню. Он также покрутил наши визы и говорит:

— Нет, я таких документов не знаю, нам это незнакомо.

Я начала ему объяснять:

— Как же так вы не знаете! Возвращаются люди на родину сейчас. Комитет же есть, вот мы и едем. . .

— Ах так, — говорит, — и толкнул другого. — Да пусть едут. . .

Тут наше настроение совсем упало. Вот это да, думаем. . .

Приехали в Берлин. Тут мы ожидали встречи, но нас никто не встретил. На вокзале немец показал нам зал ожидания для советских граждан. Но зал этот был закрыт, и мы погрузились с нашими вещами возле замкнутых дверей этого зала. Муж побежал звонить, чтобы как нибудь связаться с русскими, с комендатурой, но немцы

объяснили, что ни один русский не ночует в Берлине, а все уезжают в городок такой, Карлсхорст. Там все они живут. Днем они в Берлине, а на ночь они уезжают. После пяти-шести часов уже нет ни одного русского в городе.

Ну, мы решили ночевать на вокзале. На наше счастье один фольксполицией помог нам перебраться через немецкий ресторан в этот самый зал для советских граждан с другого входа. Мы там сдвинули стулья и, как говорят, пару часов вздремнули. Утром муж созвонился, наконец, с комендатурой или с Карлсхорстом — не знаю с чем, и ему сказали, что за нами придут. И, действительно, примерно в 10 часов приехала машина, большая, советская. Нас погрузили туда с нашими вещами и поехали.

Приехали в комитет. Ну, нас там уже, конечно, ждали. Генерал Михайлов был одет в форму. Потом, позднее, он все время в таком поганеньком сереньком костюмчике ходил, но в этот раз он в форме ходил, со звездой на погонах.

Первое, что он спросил:

— Ну, как вы приехали, знают ли советские власти, знакомо ли им, что вы едете на родину?

Я говорю:

— Да, нас хотели несколько раз выбрасывать из поезда, крутили эту визу и говорили, что это шпаргалка.

— Ну, — говорит, — это ничего, это все со временем будет усовершенствовано.

Потом начал расспрашивать:

— Вы же из Мюнхена, это же самая там эмиграция русская, как там — собираются ли люди на родину?

Мы говорим: да, некоторые собираются.

— Откуда?

— Ну, преимущественно из барakov, кто плохо живет, тот и хочет на родину.

— Ну, а как, верят они нашему радио?

— Ну да, говорим, как будто верят, слушают, даже плачут. . .

— Ну, хорошо, хорошо.

Только он еще не закончил разговора, как телефон зазвонил.

Он говорит:

— Да, да у меня. Сейчас они к вам придут, сейчас, сейчас.

И в это время входит какой то Китаев.

— Вот, — сказал Михайлов, — это товарищ Китаев, он будет вас сопровождать в консульство. Теперь я вас передаю всецело в консульство. К нам вы, конечно, будете заходить, но вы сейчас находитесь как бы под консульством.

Китаев провел нас в свою комнату. Там он выдал нам 100 марок. Муж должен был писать — для всех это было, нас было пять человек; он выдал нам сто марок и сказал, что на два дня и из этих денег мы должны будем платить за пансион.

Муж должен был написать: я, значит, такой-то и такой-то, просил советское консульство выдать мне сто немецких марок для проживания в Берлине для меня и моей семьи. Выдал нам сто марок и, правда, проводил до пансиона Альбрехт-Эк. Это немецкий пансион. Там нам отвели комнату для всех вместе. В комнате было тоже самое видно, что население очень плохо живет, потому что белье было застиранное, рваное, полатанное, помещение страшно грязное. Все это на нас нагоняло тоску.

На второй день мы пошли... Мы должны были ежедневно являться в консульство к 9-10 часам. Да, мы были тоже и в комитете.

Я хочу вернуться немножко назад. В мае наш лагерь посетил один, ну, как бы сказать, товарищ. Я не хочу упоминать его имени. Мы его спросили с мужем:

— Ну, как там? Ты всетаки в западном Берлине живешь, как ты считаешь, может быть ты там скорее слышишь, что там в комитете этом, правда ли это, можно верить?

Он сказал:

— Конечно, я не только в западном Берлине, я и там бываю часто,

гарантирую вам головой — это все правда. И что вам здесь оставаться, влечить жалкое существование, езжайте домой.

Ну, это тоже все помогло, да.

По приезду во второй день в комитете мы встречаем этого самого господина или товарища. Я удивилась, конечно, но он сейчас же завопил:

— Видите, видите, товарищ Михайлов, вот это тоже мои, которым я советовал приехать сюда...

Этот господин в комитете, конечно, завсегдашний, свой человек. Его там хорошо принимают. Он даже питается в столовой для этого самого консульства.

Но расскажу дальше. В первый же день сказали нам написать автобиографию нашу. Очень подробно. Школьные годы не нужно, а нужно только все с 41 года, с начала войны и до конца, до сегодняшнего дня, значит.

Ну, я пробовала несколько раз писать: то я забыла, то я забыла...

Ребенок у меня был очень беспокойный, потому что там банана не достанешь, молоко какое то разбавленное или снятое. Когда я у хозяйки спросила, где я могу достать хотя бы один банан, она со страхом посмотрела на меня и говорит: Им гейст! (в воображении).

Ну, в конце концов, я с трудом написала свою автобиографию. Ее мы должны были писать в специальной пустой комнате внизу, при консульстве. Я написала и отдала. В автобиографии, конечно, стояло, что у меня есть мать, что она осталась в Мюнхене. И вот, первое, за что зацепился Китаев, было:

— А ну, скажите, пожалуйста, как же это так ваша мать там осталась?

А я говорю:

— Да так просто, не захотела и все.

— А почему же она не захотела?

А я говорю:

— Да потому, что она писала...

— Что, — спрашивает, — она такое писала?

— Да, — говорю. — против со-

ветского правительства и власти...

— Да, да, — говорит, — для американцев, здорово...

А потом пристал: — Ну, садитесь, дорогая, мы с вами напишем ей письмецо, чтобы она вернулась, да поскорее, домой, к нам в Берлин. Пусть-ка она возвращается. Что ее ждет там, на чужбине, а сюда приедет — ее ждет благополучие и дети около нея. И пенсию получит под старость...

Я начала было отнекиваться: в пансионе, дескать, напишу; что мне кстати и нужно ей написать, т. к. я мальчика без вещей взяла, чтобы она прислала мне вещички его.

— Да нет, — говорит, — садитесь-ка здесь, здесь мы с вами и напишем.

Ну, я села и он стал мне диктовать. По правде вам сказать, мне было это страшно неприятно. Если я сама поехала с открытым сердцем, то матери я бы не советовала... Но делать было нечего, он начал мне диктовать. Сначала я должна была от себя написать обращение к ней, а потом он мне диктовал:

«Возвращайся сюда, тебя здесь ждет все, нас здесь кормят прекрасно, замечательно из четырех блюд. Мы живем хорошо, Берлин осматриваем. Вчера я была еще несчастной, а сейчас чувствую себя вполне счастливой и имею в своих руках будущее для себя и своих детей. Возвращайся домой...»

И все в таком духе. Он мне дал конверт, я написала адрес и подписала письмо. Хотела его взять с собой, а он опять пристал:

— Ну, а письмецо-то, — говорит, — здесь оставьте, потому что я его заказным пошлю, чтобы оно уже наверняка дошло до вашей матери.

Потом он меня еще на второй день вызывал, когда мы были в консульстве.

— Скажите, пожалуйста, — спрашивает, — а как там в Мюнхене атмосфера? Много ли собираются ехать на родину?

— Знаете ли, — отвечаю, — я не очень спрашивала, потому что тоже, откровенно говоря, побаивалась ехать. Но, конечно, есть хорошие собираются.

— Ну вот, так мы, говорит, и им напишем, чтобы они побыстрее возвращались домой и не боялись ничего.

А потом снова про маму стал выспрашивать и про всех, кто ведет антисоветскую пропаганду.

Я говорю:

— Позвольте, вы же знаете, что я не знаю, я не в курсе, я совершенно аполитична, это моя мама знает все, а я нет.

— Ну, а как там, например, есть там Косарев такой. Как он там, например, поживает?

— Не знаю, говорю. Я слышала (правда, я слышала), что якобы он домой хочет ехать.

— Да, — говорит. — Ну, так, а как там, скажите пожалуйста, Поздняков поживает?

— Не знаю, — говорю, — я давно его не видала.

— Да нет, не в этом дело, а продолжают его американцы финансировать или нет?

Я говорю:

— Позвольте, я этого даже и не знаю и не могу вам сказать, кто кого финансирует. Я правда не знаю.

— Ну, так, так, — говорит...

Ну, теперь о комитете скажу. О консульстве это было все, примерно. Ах, да, еще Зайцев. Он на меня тоже страха нагнал. Когда мы приехали, его Китаев замечал, а он в отпуску был. И вот, когда из отпуска вернулся, то говорит мне:

— Ну, знаете ли, а все таки у вас вещичек очень много, — даже почесал затылок.

Ну, о комитете теперь. Пришли мы в комитет. Там уже были два таких товарища. Говорят мне — садитесь. Там как бы читальня была. Все портреты наших литераторов висели кругом и даже такие лозунги были вроде: Божья благодать и Русь Святая... Посадили нас и говорят:

— Ну, пишите примерно так:

«Матери, или подруги, возвращайтесь на родину, которая ждет вас...»

Я пишу, а у меня ничего не клеится. Пару строчек написала, как вдруг выходит один из этих товарищей и говорит:

— Ну-ка, пройдите сюда за мной.

Я прошла за ним по коридору в одну из комнат, там стоял вроде как патефон, пластинки такие крутились, на пленку там записывали.

— Ну вот, — говорит, — пройди-те теперь в следующую комнату.

Вошла я в следующую комнату. Она была вся задрапирована материей. Мне, по правде говоря, и страшно стало, потому что, если захочешь выйти — не выйдешь. И двери были задрапированы.

Тогда он говорит:

— Ну, садитесь на стул.

А там стол письменный стоял. На столе стоял такой маленький микрофон, я его сначала даже не заметила, пока он мне не сказал: — видите, вот здесь микрофон. Он тоже был задрапирован красным бархатом. На столе лежал текст, напечатанный на машинке. Там было:

«Матери, подруги! Я — такая то и такая то. Вы меня знаете из Мюнхена. У меня двое детей — Святослав и Константин. Еще вчера я была несчастным человеком, а сегодня я уже счастливая мать, мои дети и будущее... — Ну, и так далее, примерно. — Возвращайтесь, мол и тому подобное...»

Да, я хочу еще сказать, что до всего этого один меня в консульстве спрашивал насчет этих эмигрантов. Я ему говорю:

— Есть там такие несчастные, бедные, еле живут на 15 марок в неделю.

— А сколько, — говорит, — им лет?

— Да одному лет 60, а другому... ну тоже так... Это муж и жена.

— Ну, — говорит, — таких нам не нужно. Нам главное — молодые с детьми. Это главное...

Ну что же вам еще сказать... Да вот, про иконку еще. Я взяла с собой иконку. Это благословение моей матери мальчику, ее внуку — Божья Матерь с Иисусом Христом на руках, Младенцем. Эта икона серебряная, русская, видно, когда то вывезенная из России, которую я купила уже здесь в комиссионном магазине у немцев. И я ее так хранила эту икону, но в чемодан я ее не могла положить, я ее положила в багаж, потому что она тяжелая, но я решила ее все таки повезти. Но мы несколько раз перепакывали вещи. Мы еще не знали, едем ли мы в действительности, но собирались все таки ехать. То мы по два, по три костюма на себя надевали, то снимали лучшее — надевали худшее, то наоборот. Думали, что у нас только один чемодан останется, и все хотели в него уложить...

Ну, и вот при этой упаковке был один, которого я в мае здесь видела. Он приезжал сюда к нам ко всем в лагерь, в Мильбертсгофен. Потом я его видела там. Он посетил нас уже в пансионе. Ну вот, он увидел эту икону, цинично расхохотался и говорит: «Дура ты набилая, куда же это ты везешь?»

А я говорю:

— Что? Икону я возьму всегда и если меня будут спрашивать, верю ли я, я скажу — да, я в верующие записываюсь. Это уже ты меня не переубеждай.

Он опять цинично расхохотался и сказал: «Лучше брось ее здесь, пока не поздно...»

Меня хотели сделать людоловом КГБ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Е. НЕМОВА

Я не буду объяснять вам, как я ехал. Все это вам уже известно. Я начну с того момента, когда я посетил консульство, т. е. как связались с Китаевым. Связь с Китаевым началась тогда, когда мы заехали в комитет. Из комитета нас направили до Китаева: мол, Китаев вас обеспечит. Он нам выдал деньги на наше существование и поместил в пансион. После обеда, который был всегда от 12 до 2-х, Михайлов вызвал меня и сказал, что я должен идти в консульство, в комнату № 6.

Комната № 6 — это в консульстве. Сидят там такие... ну, знаете, они своих имен и фамилий не называют. Когда я зашел к ним в комнату, предложили: — вот садитесь, сейчас вы нам будете писать кое-что. Дают мне лист бумаги и говорят:

— Описывайте нам все свои похождения, т. е. с момента войны и до того дня, когда сюда пришли.

Описал я это все. Немного погодя вызывают меня опять.

— Вы, — говорят, — едете домой и то, что мы вам скажем, и то, что будем от вас узнавать — вы про это не должны никому ничего говорить, даже своей жене.

Потом начали спрашивать:

— Вот, вы жили в Мюнхене. Скажите нам, что такое там НТС и

ЦОПЭ? Вы же в них участвовали.

Я им сказал, что НТС мне незнакомо, никого там не знаю. Тогда еще один там сидящий мне заметил:

— А как же вы думали домой ехать?

На этом кончилось. Потом стали о ЦОПЭ спрашивать.

— Когда вы были в ЦОПЭ, сколько вы были в нем, как вы туда поступили, кто это вас туда втянул? Кого знаете из ЦОПЭ, начиная от Климова и кончая Дзюбой? Где эти господа бывают? С кем они ездят? Что они пьют и в каких местах бывают?

Машинистка все это печатала. Окончили это — стали узнавать о живущих в Мюнхене. Кого я знаю из живущих в Мюнхене более надежных, чтобы можно было иметь с ними связь. Кто имеет симпатии к комитету и к Советскому Союзу.

Кончили это и тогда один стал задавать вопросы о тех, у кого отец или мать, или какие знакомые находятся в Советском Союзе. Точные их имена. Я ответил. Потом начал задавать вопросы другой. Все задавали вопросы. Один кончит, ответишь, — начнет другой. Когда это закончили, стали у меня узнавать о семье Соколовых. Соколов, как известно, выехал на родину до меня еще. Они стали

узнавать о нем: как он жил в Мюнхене, где жил, писал ли в газетах, выступал ли на митингах. Все это было напечатано на машинке. Затем начал задавать вопросы господин в очках. Он был там, так сказать, самым видным лицом. Он спрашивал меня про одного человека из Мюнхена, скажем, на букву «А». Что, мол, он вам дал, что вы от него имеете для нас и для комитета?

Я ответил, что, к сожалению, я не мог ничего взять, потому что не успел.

— Ну, — говорит, — ничего, это мы выясним все, узнаем, потом и вам скажем.

На этом кончилось.

После всего этого я пошел домой.

У нас был один господин, скажем, на букву «Б». Я видел его еще в Мюнхене и посетил его там в мае месяце. Потом я его видел здесь, в комитете, и ездил с ним в Дом Офицера и имел свидание с советским офицером. Этот «Б» был там с нами и, когда я имел свидание с офицером, то ездил на его машине. Тогда офицер узнавал у меня все об «А», который находится в Мюнхене. Кончив все расспросы, он мне сказал:

— Вы можете остаться у нас, а семья пусть едет домой.

На это я ответил, что не знаю и должен посоветоваться с женой, что она скажет.

— Ну, ничего, посоветуйтесь, — говорит, — мы вас вызовем.

Все это длилось девять дней. Я там один из всех находился девять дней. Все, кто бы там ни был, уезжали через два-три дня.

После этого меня вызывают в девятую комнату. Там опять начали все узнавать и записывать, но уже стенографией. Тут мне сообщили, что все уже выяснено насчет того господина «А», и потом спрашивают:

— Думаете ли вы остаться здесь или нет?

Я сказал, что без семьи не хочу оставаться, потому, значит, мне надо ехать домой и все. А мне пояснили:

— Вам же ведь известно, что надо вину искупить. Вы останетесь, побудете у нас год-два, будете уже как советский, чистый гражданин, без никаких пятен.

Задачу я узнал от господина, какой находился там. Он сказал, что наша задача будет такая: так как мы знаем Мюнхен, знаем всю Западную Германию, то мы будем ездить туда, потому что **нам нужно кое кого**, вот таких, как сидят здесь (в зале, — ред.) господа, **уведти** или какими то путями там подпоить... Одним словом я понял, что **меня хотят сделать людоловом КГБ**... Мы будем всем обеспечены насчет этого, машина у нас будет. Все мне он это объяснил. Назвал мне несколько имен и сообщил мне, что я на днях уезжаю в Мюнхен... На этом вся наша беседа и кончилась.

Тогда меня позвал господин Зайцев и заявил:

— Ну, знаете ли что, товарищ Немов, вы, значит, не хотите здесь оставаться, так что вы сегодня выезжаете поездом в Москву.

Я спросил:

— А как же будет с багажем?

Он ответил:

— Багаж вы сегодня сдадите в час дня, мы вам машину подгоним.

— А что можно с собою взять? — спрашиваю.

— С собой вы не берите ничего, потому что вы поедете в мягком вагоне, а багаж будет в особом вагоне. Возьмите только детское...

А еще вам замечу: когда я был у Михайлова, то он мне сказал:

— Вы, мол, Немов, оденьтесь почище с семьей, потому что мы будем вас снимать на киноплёнку, этот весь ваш отъезд.

Вот, собственно, и все. Остальное вам уже известно, как мы решили бежать и бежали...

Не обороняться, а наступать

(Из речи председателя ЦОПЭ М. М. Дзюбы)

Господа!

Я хочу остановиться на актуальной теме сегодняшнего дня — на так называемом «мирном» наступлении коммунистического режима на эмиграцию. Я далек от мысли, что до сего времени советская власть не интересовалась эмиграцией. Если просмотреть историю эмиграции за последние два десятка лет, то легко установить, что она пестрит террористическими актами, направленными против людей, борющихся за свободу нашей родины. Но все в мире меняется, меняются формы и методы борьбы коммунистической диктатуры против эмиграции.

Советские заправилы давно уже поняли, что до тех пор, пока мы с вами находимся на свободном Западе, — мы будем прилагать все силы для разоблачения коммунистической лжи, и они дорого заплатили бы за то, чтобы российская эмиграция перестала существовать.

С этой целью, не ослабляя, а, наоборот, усиливая старый испытанный метод террора, советская власть пошла теперь еще и по другому, по новому пути — по пути **заманивания на родину** отдельных легковерных людей.

Именно для этого ею открыт так называемый «Комитет за возвращение», выпускается и присылается нам против нашей воли газета того же названия, издана амнистия. . .

Таким образом, сейчас уже определились два основных пути, по которым ведется борьба против эмиграции. Первый путь — это путь так называемого «мирного» наступления: газета, амнистия, радиопередачи, письма с родины и комитет Михайлова. Второй — это старый путь похищений, убийств и вербовки среди самой эмиграции **агентов** для выполнения такого рода «почетных» заданий.

За последнее время к нам в ЦОПЭ приходило уже несколько человек, пытавшихся вернуться на родину через комитет Михайлова. Они полностью подтверждают это. У возвращающихся, по их словам, нет иного выбора, как — или концлагери Советского Союза, или диверсионная работа здесь, на Западе, среди эмиграции.

Приведу несколько конкретных примеров.

Совсем недавно пришел к нам молодой человек, лет двадцати восьми. Одет он был неплохо. В руках два объемистых пакета. Говорит по русски с большим акцентом. История его такова.

Живя в свое время дома, в Галиции, он еще не успел раскусить, что такое советская власть. Вскоре война забросила его в Германию. Дома он работал у помещика, а здесь у бауэра.

В начале этого года в городке, в котором он жил, появился земляк. Сперва он рассказал о том, как хорошо стало на родине. Затем стал приносить газету, рассказывал о комитете Михайлова, а потом принес и амнистию. Ну, в общем, — «у г о в о р и л»!

С горем пополам доехал этот парень до комитета. Встретили его там хорошо. Михайлов в полной форме пожал руку, поздравил с возвращением и «кудись» направил. Вот это «кудись» и вылезло потом боком.

Два дня, говорит, расспрашивали, а на третий прямо заявили:

— Для того, чтобы поехать на родину, нужно для нее поработать.

Короче говоря, дали подписать бумажку, что должен работать для советской разведки и что обязуется никому ничего об этом не говорить. После этого запаковали два объемистых свертка «амнистий» и говорят:

— Будешь раздавать знакомым, а кого не знаешь — клади под двери, а то вдруг нарвешься на таких, что еще побьют.

Хотели его самолетом переправить во Франкфурт... Но тут парень растерялся. Я, говорит, малограмотный и «литаком» боюсь, може можно «пішки»? — Ну, пішки, так пішки...

Привезли его ночью машиной до границы. Впереди небольшая речушка. Речку, говорят, перейдешь, а там и американская зона. А штаны, говорят, нечего снимать, влезай так, без нежностей, только смотри, амнистии не замочи... Ну, парень полез в воду в штанах, а «амнистии» над головой держал.

Приехал сюда. К своим, говорит, идти боюсь — побьют. А вот ваши хлопцы направили к вам... Вот вам амнистии и разбирайтесь между собой, а меня, мол, не путайте в это дело. Я рад, что вырвался.

Второй случай немного сложнее. Такой же молодой человек. Рассказывать он начал не сразу, сперва как-то недоверял. У него, как и у первого, до встречи с теми, кто сидит за Михайловым, были самые чистые намерения. Уехать домой, работать на свободной родине, и жить дома, как живут все. Но комната № 6 все эти планы поломала.

В амнистии ясно сказано: «Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они **искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу родины или явились с повинной**».

Вот ему и предложили искупить вину перед родиной последующей «патриотической» деятельностью.

Подписал он бумажку о том, что соглашается работать с советской разведкой, ну, и приехал сюда. Задание у него было уже посложнее: зная о том, что мы занимаемся помощью эмигрантам, — его направили к нам, в ЦОПЭ. Иди, говорят, туда, постарайся попасть в Дом Дружбы или в очаг Толстовского Фонда, заводи знакомства, узнавай адреса близких, оставшихся в СССР. Узнавай адреса работников ЦОПЭ, старайся войти в доверие. Со временем мы пришлем к тебе человека...

Парень был искренне рад, что ему удалось вырваться оттуда. Но и пойти против своей совести он не мог...

Третий случай еще сложнее. Этот человек к нам уже не пришел и человеческой совести у него не оказалось. Но все-таки разоблачить его удалось. В настоящее время, три дня тому назад, он задержан немецкой полицией и сидит довольно крепко. Зовут его Игорь...

В 1948 году он уехал из Мюнхена в Берлин. Чем он там занимался, нам неизвестно. Но вот в мае этого года он появляется снова здесь — на собственной машине, с деньгами; начал посещать старых знакомых. Некоторым довольно откровенно предлагал «работать» вместе, платил по 300 марок в месяц, другим и больше (безработным), а недели через полторы уехал назад.

После его отъезда добрая сотня русских эмигрантов, проживающих в Мюнхене, начала получать газету «За возвращение».

Примерно дней десять тому назад человек этот появляется снова в Мюнхене. Среди старых своих друзей он начинает искать сообщников

для одного довольно пикантного дела. Выясняется, что приехал он сюда с заданием украсть заместителя председателя ЦОПЭ И. П. Кронзаса, или, в крайнем случае, если не удастся, то кого-либо из сотрудников ЦОПЭ*). Предлагал он за эту операцию 10.000 марок, как говорят немцы, «бар» (наличными) с оплатой в Мюнхене. Всю эту историю он себе представлял так: выследить человека, конечно, путем длительного наблюдения, затем вечером, когда он будет возвращаться домой, хлопнуть его чем-либо по голове и в машину, там — укол, ну а переезды через границу он знал.

Как рассказывал Немов — он встречался с этим человеком в Берлине в тех «учреждениях», которые «все простили» и так «любезно» приглашают нас всех на родину. Ведь в каждой газете «За возвращение на родину» вы найдете: «дорогой сынок, дорогой папа, родина простила и мы ждем тебя»...

Господа, то, что я вам сказал здесь, завтра уже будет известно в комитете Михайлова. Но мы не боимся их. Это они боятся нас, эмигрантов всех поколений и всех национальностей! Поэтому они и засылают сюда агентов, начиная от простачков, раздающих амнистии, до профессиональных убийц.

Вывод из всего этого один: чем крепче и монолитнее будет вся эмиграция — тем легче будет нам не обороняться, а наступать на тех, кто поработил наш великий народ.

---

*) Как сейчас стало известно, готовились также диверсионные акты против члена правления ЦОПЭ Б. М. Оршанского, председателя СБОНР Г. И. Антонова и председателя Союза бывших политзаключенных из СССР В. В. Позднякова.

На нашей стороне дух дружбы, сотрудничества, твердости в своих убеждениях. . .

(Заключительное слово председателя НАЦПРЭ Ф. Т. Лебедева)

Господа!

Теперь разрешите, прежде чем кончить, подвести маленький итог.

Я уже говорил, что, созывая сегодня собрание, мы не преследовали большой политической цели. Выводы из всего того, что здесь происходило — вы можете сделать сами.

Выводы эти просты. Новое советское наступление на эмиграцию носит тот же характер, что и новое наступление коммунистической диктатуры вообще на западный мир. Это, так называемое, мирное наступление. Та политика «улыбок», которая в «духе Женевы».

Комитет Михайлова и сам генерал Михайлов улыбаются

эмиграции и приглашают ее к себе. Однако, политика улыбок заканчивается, как мы видим, в комнате № 6. А комната № 6 далеко не блещет великодушием. . .

Это мы должны четко себе уяснить, потому что в отношениях между коммунистическим режимом и антикоммунистической эмиграцией так же началась новая фаза «холодной» или психологической войны, как и вообще в мире. Я считаю, что эмиграция эту новую фазу борьбы должна полностью осознать.

Михаил Михайлович Дзюба сказал, что мы — не боимся. Мне бы тоже хотелось сказать, что эмиграцию в массе своей не запугаешь. И эту борьбу, которая объявлена эмиграции, — эмиграция должна принять. Принять и вести ее — конечно, не теми методами, которые употребляются наследниками Сталина.

На нашей стороне должны быть сила нашего убеждения в правоте наших идей и наших взглядов, высокая, чело вечная, гуманная мораль, сплоченность, дружба, стойкость и сотрудничество. Сплоченность, стойкость и сотрудничество должны проявляться не только в нашей среде российской эмиграции. Мы должны создать общий в этом отношении духовно-политический, морально-политический фронт всех эмиграций, независимо от национальности. Тогда никакая «война улыбок» и никакие провокационные действия, исходящие из комнаты № 6, никому не будут страшны.

Мне думается, что сегодняшнее собрание будет очередным шагом к тому, что в результате все мы поймем — что только в объединении, в твердости и в нашей непримиримости к коммунизму и его агентам — наша сила. Я в эту силу верю, верю в то, что наша идея сильнее всякой грубой провокации, идущей с той стороны.

Желаю, чтобы твердость в своих убеждениях, твердость в правоте своей идеи, дух дружбы и сотрудничества были с нами всегда! Тогда все хитроумные планы советского правительства в отношении эмиграции потерпят полный крах.

ЗА НАРОД, ЗА РОДИНУ!

Измышления комитета Михайлова

(Реакция на собрание 8 октября)

Как и следовало ожидать, организованное в Мюнхене открытое собрание, на котором Хоревич, Серебряков и Немовы рассказали о всем пережитом во время их горестного «возвращения на родину», привело комитет Михайлова и, прежде всего, КГБ-истов из комнаты № 6 советского генерального консульства в Берлине, т. е. фактических хозяев т. н. «Комитета за возвращение на родину», в явное бешенство.

Чтобы уменьшить значение факта бегства эмигрантов из комитета Михайлова и их вторичного ухода на Запад, комитетчики с типичной для советского пропагандного жаргона бранью обрушились на устроителей собрания.

Так, 18 октября в передаче по комитетскому радио мюнхенское собрание было названо «сборищем», председатель НАЦ-ПРЭ Ф. Т. Лебедев «бывалым авантюристом и агентом одной иностранной разведки», а бывший председатель ЦОПЭ Г. П. Климов, недавно выехавший в США, «проворовавшимся субъектом», который «спасаясь от гнева рядовых эмигрантов, удрал за океан». Досталось, разумеется и другим представителям политических и общественных организаций эмиграции, принявших участие в собрании.

Что касается свидетельских показаний возвращенцев, то последние, по утверждению тех же комитетчиков, будто бы «согрешили против правды и, боясь преследований эмигрантской верхушки, согласились дать лживые сведения о причинах, побудивших их возвратиться на Запад». В конце же передачи было сказано, что за Хоревича выступало «подставное лицо» и что «возмущение рядовых эмигрантов», якобы, «дошло до того, что в коридоре зала возникла драка и пришлось вызывать немецкую полицию».

Опровергать все эти нелепые и лживые измышления комитета Михайлова, разумеется, нет никакой необходимости.

Никто из присутствовавших на собрании более 500 рядовых эмигрантов, которых, как уже было сказано, комитетчики презрительно называли «сборищем», ни на собрании, ни в коридоре никаких драк не наблюдал. Немецких же полицейских не было не только в помещении собрания, но и вблизи него.

Присутствовавшие на собрании видели, однако, Хоревича, Серебрякова и Немовых и слышали их бесхитростные рассказы.

В ответ на ложь и клевету комитетчиков из КГБ мы можем сказать только одно: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива!»

Бумага все терпит...

История Николая Кириллиуса

В ноябре 1955 года Берлинское представительство ЦОПЭ было осведомлено об очередном бегстве из «Комитета за возвращение на родину». Рассказ об этом «чрезвычайном происшествии» записан со слов «потерпевшего» сотрудником журнала «Свобода».

Судьба Николая Кириллиуса ничем не отличается от судеб сотен тысяч других простых русских людей — солдат и офицеров Советской Армии, попавших в годы второй мировой войны в немецкий плен.

В 45-ом году «обосновался» он в Штуттгарте. Работал в немецкой фирме. Жил не так тобы очень хорошо, но если бы на родине так жилось, то и беды бы никакой не было.

Летом Кириллиус прочитал как-то газету «За возвращение на родину», потом указ об амнистии. Время от времени слушал «михайловское» радио. Тоска по родине давала себя знать. А тут еще «друг» пристал, стал уговаривать: «Давай, Николай, поедем. Не понравится, обратно в Германию вернемся. Тебе вот в декабре 36 лет исполняется. Подумай сам, как хорошо будет день рождения отметить дома, среди родных».

Уговор «друга» — Анатолия Новака — подействовал. Хоть и подказывало шестое чувство: не делай глупости, боком тебе выйдет это «возвращение» — решил ехать...

Чтобы окончательно склонить Кириллиуса к возвращению, доказать ему насколько это просто и безопасно, Новак в середине октября поехал в советскую зону Германии, в Веймар, один. Через пять дней он уже опять был в Штуттгарте и с восторгом рассказывал, какой замечательный прием там ему был оказан. Показал он Кириллиусу 300 марок и пропуск для перехода границы, выданные ему комендатурой в Веймаре. Все это явилось для Кириллиуса доказательством, что «если не понравится, то можно будет обратно в Германию вернуться».

30 октября «друзья» вместе отправились в Веймар. О поездке Кириллиус никому ничего не сказал. Он даже не получил заработка за 14 дней работы и все свои вещи оставил в Штуттгарте. «Поеду, — думал он, — посмотрю, оформлю документы для возвращения на родину, а потом вернусь, получу жалование и заберу свои пожитки». Правда, денег на дорогу не было, но за билет заплатил Новак — «лишь бы не терять попусту времени».

На границе полиция Западной Германии предупредила Кириллиуса, чтобы он хорошо обдумал свой шаг, так как вряд ли ему удастся вернуться обратно. Сомнения снова начали одолевать его, но Новак опять насеял.

Поезд отошел от пограничной станции Германской Федеративной Республики. Однако, если западно-германская полиция только вежливо предупредила Кириллиуса, чтобы он хорошенько обдумал свое решение о возвращении на родину, полиция Ульбрихта-Гротевольа действовала более решительно. При проверке документов она установила, что у Кириллиуса никаких официальных бумаг, разрешающих ему переезд в советскую зону, нет и тут же выставила его с поезда.

Но «друг» не подвел. Он дал полицейским телефон: Веймар 2835. Просил позвонить по этому номеру и сообщить, что он, Новак, прибыл на границу в сопровождении советского гражданина Кириллиуса...

Веймар 2835 «все уладил»; «друзьям» были предоставлены кровати для ночлега и сказано, что за ними «утром приедут».

Утром за ними действительно приехали: «капитан Андрей Федорович», как представил приехавшего Новак, и шофер. Оба в штатском.

31 октября Новак и Кириллиус на старом «Опеле» были благополучно доставлены в Веймар, в комендатуру. Здесь «Андрей Федорович» представил Кириллиуса майору (тоже в штатском):

— Вот, товарищ майор, тот человек, которого привез Житик.

Майор поздравил Кириллиуса с его решением вернуться на родину и начал подробно расспрашивать его о жизни в Штуттгарте, о знакомых ему в Западной Германии советских гражданах, их настроениях, о деятельности антикоммунистических организаций, об отношении к газете «За возвращение на родину»... «Андрей Федорович», присутствовавший при этой беседе, не мог скрыть своего разочарования, что аполитичный обыватель из Штуттгарта не информирован о работе активного антикоммунистического зарубежья.

После беседы Кириллиус долго думал, кто же это такой «Житик», который привез его в Веймар. Он прибыл с Новаком, а капитан сказал «это тот человек, которого привез Житик». Как же это понять? Недоразумение разрешил «друг». Он признался, что его настоящая фамилия Житик.

1 ноября Житик уехал, по его словам, в Берлин. Кириллиус оставался в Веймаре. «Андрей Федорович» выдал ему на пропитание 100 марок и сказал, что он может свободно жить и делать, что хочет.

— Вот только с нашими солдатами и офицерами, — предупредил он, — не разговаривайте. Знаете, некоторые из них могут вас упрекнуть за ваше прошлое и вообще, — подчеркнул он, — могут быть большими неприятностями...

4 ноября Кириллиуса посетил полковник в форме. Он задал ему те же вопросы об эмиграции, что и майор.

«Андрей Федорович» заинтересовался документами и бумажником Кириллиуса. Просмотрел их. Фото для паспорта у него забрали. А на одной фотографии Кириллиус был снят с американским солдатом и двумя немецкими девушками. Капитан разрезал фотографию на части — снимок возвращенца оставил у себя, а американского солдата и девушек возвратил...

Вскоре Веймар 2835 остался позади. После беседы с полковником Кириллиус на «Победе» был отвезен в советское консульство в Эрфурт. В Эрфурте был совсем короткий разговор. Консул, как полагается, поздравил его с решением возвратиться на родину и пообещал как можно быстрее отправить дальше, в комитет, в Берлин.

— Да, но мне еще нужно возвратиться в Штуттгарт — забрать или продать там свои вещи. Потом я уже прямо домой поеду. Как это устроить? — спросил Кириллиус.

— Ну, все это не так сложно, — успокоил его консул. — Вещей ведь у вас немного. Сколько они стоят? Приблизительно 1000—1500 марок? Эти деньги мы вам выплатим. Но, конечно, если вы непременно желаете еще

возвратиться, то почему нет! Однако, у нас такой порядок: сперва вы должны поехать в комитет в Берлин. Там встретитесь с генералом Михайловым, поговорите с ним подробно обо всех своих делах и договоритесь о возвращении в Штуттгарт или об уплате вам стоимости ваших вещей. Но сейчас вы должны поехать в комитет.

6 ноября вечером Кириллиус был в Берлине. В комитете он нашел редактора Муратова, который похвастал «тысячами писем» от желающих вернуться на родину. Затем Муратов хотел устроить Кириллиуса на ночлег в «общежитии» при комитете (до бегства Немовых такового не было), но оно оказалось занятым. Пришлось отправить возвращенца в гостиницу.

7 ноября утром Кириллиус снова пришел в комитет.

— А мы, товарищ, вчера годовщину великого Октября справляли, — встретил Кириллиуса не протрезвившийся генерал Михайлов.

На службу он пришел с опозданием, но не последним: на многих desks учреждения краснели сургучные печати.

— Ну, так вы домой ехать решили? Это хорошо, очень хорошо. Все сделаем для вас, — говорил генерал. — Насчет строгостей — не бойтесь. Вам ничего не будет... Никому ничего не будет... Разве только в Сибири пять лет поработаете... Зато потом свободно селиться можно...

Призадумался Кириллиус: пошлют в Сибирь на пять, а может быть и на десять лет... Так и домашних никого не увидишь... Нет, пожалуй, «смываться» надо, пока не поздно...

— Домой я поеду, это точно, — сказал он в ответ на откровенность генерала. — Только вот в Штуттгарте я еще заработка за 14 дней не получил. Радио, костюмы, да разные вещи там у меня. Так я хочу возвратиться, забрать все, а потом назад. Консул в Эрфурте сказал, что генерал Михайлов все это устроит...

Оказалось, что такие вопросы генерал Михайлов решать не может, — нужно было получить разрешение консула в Берлине.

А консул подошел к вопросу ясно и определенно:

— Чем недовольны? Вещи, говорите? Когда приедете домой, там вас обеспечат всем необходимым и возместят их стоимость. Если хотите, можете написать доверенность и кто-нибудь съездит за ними, продаст их там или привезет по вашему поручению. А так зря терять времени нечего... Наши люди в Сибири новые земли вспахивают, а вы тут артачитесь!...

— Да, — пробовал Кириллиус настоять на своем, — ведь в газете «За возвращение на родину» прямо написано, что можно сначала съездить в комитет, оформить все бумаги, вернуться за вещами и потом уже ехать домой...

— Комитет в газете писал? Бумага все терпит. А за возвращение на Запад американцы вам десять месяцев дадут...

Из консульства в комитет Кириллиус возвращался уже под конвоем. Сопровождающий был хоть и в штатском — в синем плаще, но с пистолетом...

Генерал Михайлов выразил сожаление, что все так произошло, но заявил, что он должен точно выполнять предписания консула.

Через короткое время из консульства явился еще «тип» в синем плаще — с бумагами на выезд в Советский Союз.

— Товарищ Кириллиус, — сказал он, увидя, что Кириллиус переминается с ноги на ногу, но все еще не хочет отстать от генерала, — довольно всяких штук. Вы явились для отправки на родину. Ваша путевка у нас на руках, здесь вам делать больше нечего. Мы вас отвезем сейчас во Франкфурт на Одере и там посадим в поезд. Так вернее будет. А родина о вас уже позаботиться, за вещи возместит.

— Ну, что-ж, поедем. Только вот и здесь в гостинице у меня кое-что осталось, так забрать надо, — не унимался Кириллиус.

— Ладно, ладно, заберем...

Во время поездки в гостиницу «типы» в синих плащах тесно прижались к «товарищу» Кириллиусу. Пистолеты ощущались ясно и красноречиво.

Вот и гостиница. Один из «типов» остался с шофером в машине. Второй зашел в гостиницу, чтобы оплатить счет за пребывание штуттгартского возвращенца.

Кириллиус действовал энергично. Пока «тип» расплачивался с хозяйкой, он сбежал вниз на кухню. С кухни — во двор, а со двора, за спиной «типа», сидевшего в «Победе», махнул через забор. На ходу вспрыгнул в первый проходящий трамвай. Проехав две остановки сошел. Распросил дорогу на Запад: трамваем № 1 — и оказался во французском секторе.

Опять стал свободным человеком на свободной земле...

Подписывайтесь на наши издания:

«СВОБОДА» — ежемесячный иллюстрированный общественно-политический журнал; пятый год издания.

«Антикоммунист» — журнал активной освободительной политики (на немецком языке).

Типография ЦОПЭ

Читайте

наши брошюры

1. Мы обвиняем
2. Россия вчера и сегодня
3. Правда о Советской Армии
4. Неугасимая воля к свободе

1 9 5 5 / К-5

ZOPE, Berlin W 30, Martin Luther Str. 88
ZOPE, München 2, Gaiglstr. 25